

ольга старовойтова

возрождение

Ольга Старовойтова

Возрождение

<https://litres.ru/74197353>

SelfPub; 2026

Аннотация

"Что остаётся человеку, когда у него отнимают всё? Марина потеряла мужа, дочь и нерождённого сына в один миг — под колёсами машины пьяной дочки чиновника. Суд вынес убийцам штраф в пятьдесят тысяч рублей. Справедливость умерла на ступенях суда вместе с её верой в закон.

Но вместо того чтобы сломаться или опустить руки, Марина выбирает свой путь. Она спускается на самое дно жизни, где выживают только сильные: находит союзников среди бывших заключённых, которые учат её ждать, терпеть боль и быть незаметной. Из тихой бухгалтерши она превращается в хищника, готового к долгой охоте.

«Возрождение» это не просто история мести. Это хроника перерождения. На страницах этой книги вы найдёте запах деревенской избы, холод стали пистолета, тишину кладбищенского снега и отчаянную радость спасения щенка по имени Апельсин. «Возрождение» — это роман о том, что даже после абсолютной тьмы наступает рассвет, а самый страшный враг пустоты внутри нас самих — это необходимость заботиться о ком-то живом».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ольга Старовойтова

Возрождение

Глава 1

В кабинете УЗИ пахло медицинским спиртом и нагретым пластиком. Марина лежала на кушетке, задрав свитер почти до груди, и смотрела на монитор — туда, где колыхалась чёрно-белая вселенная, пульсирующая крошечной светлой точкой. Врач, немолодая женщина с седыми волосами, убранными под шапочку, медленно водила датчиком по животу.

— Вот здесь головка, видите? А вот ручка. Пальчики — раз-два-три-четыре-пять. Хорошо лежит, правильно.

Марина кивнула. Ком в горле мешал говорить. Она боялась пропустить момент, боялась моргнуть и не увидеть чего-то важного. В прошлый раз, с Сонечкой, всё было иначе: она нервничала, не понимала, куда смотреть, спрашивала глупости. Теперь — замерла, вцепилась взглядом в экран.

— Пол хотите узнать?

Марина повернула голову. Врач смотрела на неё поверх очков, чуть улыбаясь. Так улыбаются люди, которые знают то, чего пока не знаешь ты.

— Хочу.

— У вас мальчик, Марина Викторовна. Поздравляю.

Мальчик. Она беззвучно повторила это слово одними губами. Мальчик. Сын. У Сонечки будет брат. У Игоря — наследник, продолжатель фамилии, тот, кому он станет показывать, как держать отвёртку, как водить мяч, как завязывать галстук. Она вдруг увидела их вместе — Игоря и этого мальчика, ещё без лица, без имени, но уже живого, уже родного, — идущих по осеннему парку. Игорь держит сына за руку. Тот поднимает голову, спрашивает что-то, а Игорь смеётся, запрокидывает голову, и солнце падает сквозь листву на его лицо.

— Марина Викторовна, вы меня слышите?

Она моргнула. По щеке стекла слеза — горячая, крупная, — а она даже не заметила, когда начала плакать.

— Слышу, — сказала она севшим голосом. — Спасибо вам огромное!

Врач протянула салфетку. Марина вытерла глаза, села, одёрнула свитер. Живот уже не был плоским, но под объемным свитером еще не был сильно заметен. Она положила на него ладонь, прижала покрепче, будто хотела передать тепло напрямую, без кожи и мышц.

— Я никому пока не скажу, — прошептала она, обращаясь не то к врачу, не то к себе, не то к тому, кто внутри. — Я подарю тебя папе под бой курантов. Знаешь, как он обрадуется? Он скажет: «Маришка, ты у меня волшебница». А Сонечка будет прыгать вокруг и требовать, чтобы тебя называли динозавром. Ты уж потерпи, она у нас такая.

Она засмеялась сквозь слёзы и подумала: вот оно обыкновенное чудо. Тридцатое декабря. С утра у тебя одна семья, а к вечеру — уже другая, на одного человека больше и ты его уже любишь.

Марина вышла из клиники в морозный полдень. Санкт-Петербург лежал перед ней, укутанный снегом, как в детстве или как на новогодних открытках. Деревья на проспекте стояли белые, отяжелевшие, и когда порыв ветра качал ветку, сверху срывалась целая лавина пушистого. Прохожие улыбались, прятали носы в шарфы, тащили пакеты с мандаринами и разноцветными коробками. На углу продавали ёлки, и хвойный запах перебивал даже бензиновую гарь.

Марина остановилась у витрины кондитерской, посмотрела на своё отражение. Раскрасневшиеся от мороза щёки, счастливые глаза. Она пригладила волосы, выбившиеся из-под шапки, и сказала себе: «Ты самая счастливая женщина на свете! Просто запомни этот день».

Дома пахло корицей ещё с порога. Сонечка сидела на кухне, забравшись с ногами на стул, и разглядывала картинки в кулинарной книге, которую Марина оставила на столе утром. На девочке был фартук — взрослый, до колен, с вышитым петухом, — и колпак из бумажного полотенца, который она сама свернула и закрепила скрепкой.

— Мам! — она спрыгнула со стула, подбежала, ткнулась носом в Маринин живот. — Я уже проснулась с тихого часа и ждала тебя! Смотри, я выбрала, каких пряников будем печь.

Вот этих, видишь? Они с глазками!

Марина наклонилась, подняла дочку на руки. Сонечка обхватила её за шею руками, ещё холодными от того, что она, наверное, таскала из холодильника масло. Марина вдохнула запах её волос — детский шампунь с ромашкой — и зажмурилась. Всего на секунду. Чтобы запомнить.

— С глазками — это самые лучшие, — согласилась она.
— А что у нас с мукой?

— Я насыпала уже! — Сонечка гордо указала на гору муки, возвышавшуюся на столешнице. Рядом лежали яйца (одно треснутое), кусок масла в обёртке и открытая банка корицы, от которой по всей кухне тянулся пряный шлейф. — Только оно всё рассыпалось немножко.

— Я вижу, — Марина опустила дочку на пол и оглядела фронт работ. Мука была везде: на столе, на полу, на Сонечкиных щеках и даже на дверце холодильника. — Знаешь, что говорят про поваров? Чем грязнее кухня, тем вкуснее угощение.

— Правда?

— Честное слово!

Они взялись за тесто. Марина показала, как рубить масло ножом — Сонечка наблюдала, высунув язык от усердия. Потом разбивали яйца: Марина держала Сонечкины руки в своих, и они вместе стукнули скорлупой о край миски. Яйцо треснуло ровно, желток ухнул в муку золотым глазом, и Сонечка взвизгнула от восторга.

— Мам, мы как в ресторане! Давай ещё!

— Давай. Только сперва — мёд. Держи ложку.

Они месили тесто в четыре руки. Марина подсыпала муку, Сонечка энергично тыкала в массу ложкой, потом бросила ложку и начала месить ладонями. Тесто было тёплым, податливым, от него шёл запах имбиря, мёда и гвоздики. Марина смотрела на дочкины пальцы, перепачканные месивом, на то, как старательно она нажимает, прикусывая губу, и вдруг вспомнила: такая же точно Сонечка была год назад, и два года назад, и три. Всё то же сосредоточенное личико, всё та же ямочка на левой щеке, всё та же привычка высовывать язык. Только руки становятся больше, увереннее. И голос меняется. И вопросы становятся сложнее.

— Мам, а почему пряники называются пряниками? Они что, прячутся?

— Нет, — Марина убрала прядь волос с лица, и на лбу, кажется, остался след муки. — Слово «пряник» от слова «пряный». Пряности. Корица, имбирь, гвоздика — всё, что пахнет.

— Как ты? — спросила Сонечка и засмеялась.

— Что?

— Ты пахнешь пряностями! Папа всегда говорит: наша мама — пряничная фея.

Марина замерла. Пряничная фея. Так он сказал в самый первый раз, когда они с Сонечкой напекли пряников на детский утренник — ещё неуклюжих, подгорелых, но радост-

ных. Игорь пришёл с работы, вдохнул запах с порога и выдал: «Где моя пряничная фея?» И она вышла из кухни в фартуке, обсыпанная мукой, а он подхватил её на руки, закружил, не снимая ботинок.

— Твоя, — сказала она тогда. — Только твоя.

— А давай включим музыку? — спросила Сонечка, отрывая Марину от воспоминаний.

— Давай. Что ты хочешь?

— Новогоднюю!

Марина нажала на телефоне первый попавшийся плейлист. Из динамиков полилось что-то джазовое, с колокольчиками, и Сонечка тут же начала пританцовывать, размахивая перепачканными в тесте ладонями. Мука летела с её пальцев, оседала на полу, на холодильнике, на игрушечной рыжей собаке, которая сидела на подоконнике и взирала на происходящее стеклянными пуговичными глазами. Сонечка подхватила собаку, прижала к себе и закружилась с ней по кухне.

— Смотри, мам, Апельсинка тоже танцует!

Апельсинкой звали игрушечную собаку, которую Сонечке подарили на первый Новый год. Она была рыжая, лохматая, с белыми лапами и одним ухом, которое вечно заваливалось набок. Сонечка с ней не расставалась: сажала за стол во время завтрака, купала в ванной (потом приходилось сушить феном), укладывала спать рядом с подушкой. Марина сто раз штопала ей лапу, которую Сонечка отгрызла в младен-

честве, и пришивала ухо, которое отрывалось от чрезмерной любви.

— Танцует, — согласилась Марина. — Только потом она вся в муке будет.

— Ничего! Мы её искупаем. Правда, Апельсинка?

Собака молчала и улыбалась плюшевой мордой.

Марина смотрела на дочку — на то, как та кружится по кухне, прижимая к груди рыжего пса, на то, как развевается её фартук, а бумажный колпак съезжает набок, — и чувствовала, как что-то щемящее, острое, почти невыносимое поднимается в груди. Счастье. Простое, огромное, хрупкое. Такое, что хочется замереть и не двигаться, чтобы ничего не спугнуть.

— Мам, ну что ты стоишь? — Сонечка остановилась, запыхавшись. — Танцуй с нами!

И Марина стала танцевать. Неловко, смешно, размахивая руками. Сонечка хохотала, подпрыгивала, пыталась повторить её движения. Мука летела с них обеих, как снег, и кухня была похожа на волшебную пещеру, где на плите греется чайник, в духовке подходят пряники, а мама и дочка танцуют под джазовые колокольчики.

Потом они вырезали пряники. Сонечка старательно давила формочками на тесто — звёзды, человечки, ёлочки, — а Марина перекладывала их на противень. Один человечек получился кривой: Сонечка слишком сильно надавила, и голова у него сползла набок, а рука оторвалась.

— Ой, — сказала она. — Он сломался.

— Ничего страшного, — Марина приставила руку обратно, примяла край пальцем. — Мы его починим. У тебя всё можно починить, если постараться.

— Как Апельсинку? Ты ей тоже лапу пришивала.

— Именно.

Сонечка задумалась на секунду, потом взяла формочку-звезду и деловито вонзила её в тесто.

— Мам, а когда у нас будет настоящая собака?

— Когда-нибудь. Когда ты подрастёшь.

— Нет, я уже большая! Ты говорила, что я большая!

— Ты большая, — согласилась Марина. — Но собака — это ответственность. Её надо кормить, выгуливать, лечить, если заболит. Ты готова?

— Готова! — отчаянно закричала Сонечка, и Апельсинка на подоконнике чуть не упала от её боевого напора. — Я буду её кормить! И выгуливать! И лечить! И даже убирать за ней буду!

— Даже убирать, — улыбнулась Марина. — Ну хорошо. Вот родится у нас ещё один ребёночек — тогда и о собаке подумаем.

Сонечка отложила формочку и уставилась на Марину с недоверием.

— А у нас будет ещё ребёночек?

— Будет, — сказала Марина и тут же прикусила язык. Раньше времени. Не надо было.

— А когда? Завтра?

— Нет, — она засмеялась, притянула дочку к себе. — Не завтра. Через несколько месяцев.

— А откуда он возьмётся?

— Из живота, — просто сказала Марина.

Сонечка отодвинулась, приложила ладошку к Марининому животу, пощупала. Под ладошкой было тепло и тихо. Сонечка нахмурилась — совсем как Игорь, когда о чём-то думает. Та же складка между бровей. Та же привычка покусывать губу.

— Он там сейчас?

— Да.

— А он не замёрзнет? Там же темно.

— Ему тепло, — сказала Марина, чувствуя, как голос срыгается. — И уютно. И он знает, что мы его ждём.

Сонечка погладила живот ладошкой, потом наклонилась и поцеловала — прямо через свитер. Очень осторожно. Очень нежно.

— Привет, — прошептала она. — Это я, твоя сестра Соня. Ты пока спи, а я тебе пряник испеку. С глазками.

Марина стояла, боясь пошевелиться, боясь спугнуть. По щекам снова текли слезы, но она уже и не пыталась сдерживаться.

За окном медленно, торжественно падал снег. Предпоследний день года.

Замок входной двери щёлкнул ровно в тот момент, когда

Марина задвигала противень в духовку. Она выпрямилась, прислушалась. В прихожей что-то грохнуло, потом раздался знакомый, чуть осипший от мороза голос:

— Семья! Вы живы? Чем это так божественно пахнет?

Сонечка взвизгнула и босиком, в одних колготках, понеслась в коридор, размахивая перепачканными в тесте руками. Апельсинка осталась на подоконнике — наблюдать.

— Папа! Папа пришёл!

Марина вытерла руки о фартук и вышла следом. В прихожей Игорь уже стоял на коленях, поймав дочку в охапку. Снег на его плечах ещё не растаял, воротник куртки был мокрый, а на ресницах блестели капли. Он прижимал Сонечку к груди, а она колотила его ладошками по спине и смеялась — заливисто, во весь голос, как умеют смеяться только дети и только от чистой радости.

— Пап, ты рано! Ты специально? А мы пряники печём! У нас там тесто, и человечки, и звёзды, и у одного человечка голова сломалась, но мы починили! Мама сказала, что всё можно починить, если постараться!

— Мама у нас умная, — Игорь поцеловал дочку в макушку, поднялся на ноги, всё ещё держа её на руках. Его взгляд нашёл Марину, и он улыбнулся. Устало, тепло, по-домашнему. — А мама у нас ещё и красивая. Даже в фартуке. Особенно в фартуке.

Марина прислонилась плечом к косяку, скрестила руки на груди. Смотрела на них — мужа и дочку, — и думала, что

за тридцать два года жизнь подарила ей всего два настоящих чуда. Первое — когда семилетний Игорь сел с ней за одну парту и молча подвинул пенал с динозавриками. Второе — когда Сонечка, сморщенная, красная, мокрая, закричала в родильной палате. И оба эти чуда сейчас стояли в прихожей, облепленные тающим снегом, и улыбались ей.

— Ты рано, — сказала она. — Я думала, ты сегодня до шести.

— Последний рабочий день года, — Игорь наконец опустил Сонечку на пол, стянул куртку, бросил на вешалку. Снежинки на его волосах превратились в капельки воды, и тёмные пряди прилипли ко лбу. Он шагнул к Марине, положил руки ей на плечи — ладони были ещё холодные, пахли морозом и бензином. — Отпустили пораньше. Я решил: поеду за ёлкой прямо сейчас, пока нормальные есть. А то разберут, останутся одни лысые палки, и будет наша квартира как после атомной войны.

— Ты поедешь на ёлочный базар? — Сонечка подпрыгнула. — Пап! Пап, возьми меня!

— Сонь, там холодно, — начала Марина. — Ты и так сегодня целый день на кухне, устала, небось.

— Я не устала! Я ничуть не устала! — Сонечка вцепилась в отцовскую штанину и потянула на себя. — Пап, ну пожалуйста! Я выберу самую красивую ёлку! Самую пушистую! Чтобы от пола до потолка! А потом мы будем её наряжать и будем вешать шарики, и гирлянду, и того стеклянного

мишку, которого ты в прошлом году купил, и ещё...

— Мариш, — Игорь обернулся к ней, и в его глазах заплясали чёртики. — Ну правда. Поехали с нами, а? Брось пряники, они не убегут. Поехали вместе, выберем ёлку, а потом заедем в кафе? Я знаю одно место, где делают горячий шоколад с маршмэллоу.

Марина покачала головой. Представила: мороз, пробки, толпа на ёлочном базаре, Сонечка, которая будет перебегать от одной ёлки к другой и везде тыкать пальцем — «вот эту, нет, вот эту!». Кафе, шумные посетители, липкий стол, Сонечка, которая перепачкается шоколадом. И пряники в духовке, которые надо вынимать через двенадцать минут.

Но главное — она хотела побыть одна. Совсем чуть-чуть. Полчаса, может, час. Ей нужно было переварить утро. Сесть у окна, заварить чай, положить ладонь на живот и поговорить с тем, кто там, внутри. Объяснить ему, какой у него папа. Какая сестра. Какой дом. Какой мир.

— Нет, — сказала она. — Езжайте вдвоём. У меня пряники. И чай надо заварить — с мандариновыми корками, как ты любишь. Вернётесь — а тут уже всё готово. Тепло, уют, пряничная фея.

— Пряничная фея, — повторил Игорь тихо, и что-то в его голосе дрогнуло. Он шагнул ближе, взял её лицо в ладони — мокрые, холодные, родные, — заглянул в глаза. — Знаешь, я сегодня ехал домой и думал. Вот думал: тридцатое декабря. Предпоследний день года. А я спешу домой, как будто мне

семнадцать и у нас первое свидание. Двадцать лет вместе, Мариш. Двадцать лет. Из тридцати двух — двадцать. А я до сих пор считаю минуты, когда тебя увижу.

— Ты считаешь минуты, потому что боишься остаться без ужина, — сказала Марина, но голос её предательски дрогнул.

— И без ужина тоже, — согласился он, улыбаясь. — Но в основном — без тебя.

Он наклонился, поцеловал её в висок. Очень осторожно, очень нежно, как будто она была сделана из того же стекла, что и тот ёлочный мишка, которого Сонечка поминала пять минут назад. Марина закрыла глаза. Прижалась на мгновение к его груди. Услышала, как стучит сердце: ровно, сильно, спокойно.

— Ладно, — сказал Игорь, отпуская её. — Мы быстро. Полчаса — и дома. Сонь, одевайся!

Пока Сонечка искала второй сапог (первый был на ней, второй — под батареей, куда она зашвырнула его утром), Игорь стоял в дверях, уже в куртке, и смотрел на Марину. Она поправляла Сонечкин шарф, застёгивала пуговицы на шубке, проверяла вареники. Левую, правую. Потом поймала себя на том, что перепроверяет — и усмехнулась.

— Ты что? — спросил Игорь.

— Ничего. Всё нормально. Вареники на месте.

— Ты у меня тревожная мать, — он стянул с вешалки Сонечкину шапку, нахлобучил дочке на голову, поправил пом-

пон. — Самая тревожная мать в Петербурге. Но самая красивая.

— Иди уже! Ёлки ждут.

Сонечка подхватила с подоконника Апельсинку, сунула её под мышку и решительно направилась к двери.

— Сонечка, — сказала Марина. — Может, Апельсинка дома посидит? Потеряешь.

— Не потеряю, — Сонечка прижала собаку крепче. — Она будет со мной. Она тоже хочет посмотреть на ёлки.

— Дочка, — Игорь взял Сонечку за руку, — давай так: Апельсинка поедет с нами, но будет сидеть у папы во внутреннем кармане. Идёт?

— Идёт! — Сонечка подпрыгнула. — Только пусть голова торчит, чтобы ей видно было.

Игорь расстегнул куртку, засунул рыжую собаку за пазуху. Апельсинка выглядывала из-за борта — плюшевая морда, одно ухо заваливается набок, пуговичные глаза блестят. Сонечка засмеялась.

— Ну вот, — сказал Игорь. — Готовы?

— Готовы!

— Тогда вперёд! Мариш, мы на связи.

Он подмигнул ей, и они вышли. Хлопнула дверь. В прихожей остался мокрый след от Сонечкиных сапог, лужица растаявшего снега и запах мороза. Марина постояла секунду, глядя на дверь, потом прошла на кухню.

Духовка мерно гудела. За стеклом поднимались, налива-

лись золотом пряничные человечки. Марина выключила газ, достала противень, поставила на плиту. От пряников шёл густой, сладкий дух. Она взяла того самого — с кривой головой, которого они с Сонечкой чинили, — поднесла к лицу. Корица, имбирь, гвоздика. Тепло.

Она подошла к окну. Снег всё падал — густой, медленный, как в детстве, как на открытках. Внизу, у подъезда, мигал фарами их автомобиль. Марина разглядела, как Игорь открыл заднюю дверцу, помог Сонечке забраться в детское кресло, проверил ремень. Потом Сонечка что-то закричала — слов было не разобрать, но Марина увидела, как Игорь запрокинул голову и захохотал. Выдохнул облако пара. Захлопнул дверцу.

Он обошёл машину, сел за руль. Марина прижала ладонь к стеклу. Холодное. Там, снаружи, тридцатое декабря, мороз, снег, фонари, люди с мандаринами и ёлками. А здесь, внутри, — пряничный дух, тёплый живот и будущее, которое она ещё не успела подарить.

Машина тронулась. Медленно, мягко. Марина провожала её взглядом, пока красные габаритные огни не растворились в снежной круговерти. Потом опустила руку. Стекло запотело от её дыхания, и на нём остался отпечаток ладони.

Она вытерла глаза — сама не заметила, когда снова начала плакать. Взяла телефон. Открыла избранное. «Мама».

— Мам... — сказала она, услышав родной голос на том конце. — Мам, у нас будет мальчик.

В трубке на секунду стало тихо. Потом мама ахнула — громко, по-бабьи, тем самым голосом, которым она ахала тридцать три года назад, узнав, что беременна самой Мариной и шесть лет назад, когда узнала про беременность уже Марины Сонечкой.

— Господи! Мариша! Мальчик! — голос у неё сорвался, и Марина услышала, как на том конце что-то грохнуло — видимо, мама уронила нож. — Ой, я сейчас всё оливье на пол вывалю... Мальчик, Мариша! Мальчик!

— Мам, только тихо, — Марина засмеялась, прижимая трубку плечом к уху и одновременно доставая из шкафа заварку. — Ты на всю улицу сейчас кричишь! Соседи услышат.

— Да пусть слышат! — мама всхлипнула. — Ой, Мариша, я сейчас заплачу. Правда. Ну надо же. Мальчик. А Игорь знает?

Марина отставила чайник, присела на край стола. Провела ладонью по животу — привычным уже жестом, машинальным, как будто гладила того, кто внутри.

— Нет. Я ему завтра под куранты хочу сказать. Как подарок. Понимаешь?

— Понимаю, — выдохнула мама. — Ой, понимаю. Он же тебя на руках носить будет. Он же с ума сойдёт от счастья. А Сонечка? Сонечке сказала?

— Я ей намекнула, что скоро будет братик. Она живот мой поцеловала и сказала: «Привет, это я, твоя сестра Соня».

Мама замолчала. Марина услышала, как она всхлипыва-

ет — уже не сдерживаясь, по-настоящему. Потом шмыгнула носом, высморкалась и сказала сдавленно:

— Вот ты мне скажи, Мариша... За что нам такое счастье? Ты посмотри: семья — полная чаша. Игорь у тебя золотой мужик, Сонечка умница, теперь ещё мальчик будет. Я вот сижу и думаю: жили мы с отцом небогато, всякое бывало, а ты вон как выросла. И дом у тебя полный, и любовь такая, что все вокруг завидуют. Знаешь, мне иногда кажется, что это сон. Что я проснусь — а ничего этого нет.

— Не проснёшься, — сказала Марина мягко. — Это не сон, мам. Это правда.

— Ты себя береги, слышишь? — мама вдруг перешла на строгий тон. — Не таскай тяжести, не нервничай, ешь хорошо. Хочешь, я завтра приеду? Помогу с готовкой? У тебя ведь Новый год, гости, стол...

— Не надо, мам. Я сама. Ты к себе гостей звала — вот и занимайся. А мы справимся.

— Ну смотри. — Мама вздохнула. — А как назовёте, думала уже?

— Пока нет. Думаю, пусть Игорь решает. Или вместе придумаем. Может, в честь его отца. Или в честь бабушки нашего.

— В честь бабушки — это хорошо, — согласилась мама. — Бабушка бы гордился. Он тебя так любил, Мариша. Всегда говорил: «Внучка у меня самая красивая, самая умная, и муж у неё будет самый лучший». Так и вышло.

Марина улыбнулась, глядя на запотевшее окно. Там, за стеклом, снег уже укрыл подоконник пушистым слоем, и на белом фоне горели жёлтые огни фонарей. Город готовился к Новому году: в соседнем доме кто-то включил гирлянду на балконе, и разноцветные искры отражались в падающем снегу.

— Ладно, мам. Побегу. Там пряники стынут, а Игорь с Соней с минуты на минуту вернутся. Давай завтра созвонимся, поздравим друг друга.

— Давай, дочка. Храни вас Бог. Всех четверых.

Марина нажала отбой и ещё с минуту сидела, глядя на погасший экран. Потом встала, заварила чай. Мандариновые корки плавали в заварнике, источая цитрусовый аромат. Она накрыла чайник полотенцем, разложила на столе пряники — человечков, звёзды, ёлочки. Того самого, с кривой головой, положила отдельно, на краешек, поближе к Сонечкиной тарелке.

Взглянула на часы. Половина седьмого. Через час — ну, может, через полтора — они вернутся. Игорь втащит в квартиру ёлку, с неё посыплются иголки, Сонечка будет прыгать вокруг и командовать: «Ставь сюда, нет, сюда, нет, к окну!» Игорь будет отдуваться, поправлять крестовину и просить принести воды. А она, Марина, будет смотреть на них и улыбаться.

Она подошла к окну. Снег всё падал. Крупные, пушистые хлопья кружились в свете фонаря, как в замедленной съём-

ке. На улице было пусто — только пара человек спешила к метро, да на углу мерцала вывеска круглосуточной аптеки. В детской Сонечки горел ночник, и Марина видела его отражение в стекле — крошечный оранжевый огонёк, тёплый и надёжный.

Она сложила руки на животе.

— Ну что, маленький, — прошептала она. — Давай знакомиться. Я твоя мама. У тебя есть папа — самый лучший папа на свете. Он сильный, добрый и немножко смешной. Он до сих пор не умеет завязывать галстук, но умеет чинить всё, что ломается. Велосипеды, часы, даже людей. Меня он тоже починил когда-то. Понимаешь?

Она сделала паузу, будто ждала ответа. За окном проехала машина — медленно, осторожно, разбрасывая снег из-под колёс.

— А ещё у тебя есть сестра. Соня. Сонечка. Она пока не знает, что ты мальчик, но она уже тебя любит. Она поцеловала тебя сегодня. Ты, наверное, почувствовал. Она у нас громкая, смешная, и от неё всегда пахнет мандаринами. Она будет таскать тебя на руках и учить печь пряники. Ты уж потерпи, ладно? Сестёр не выбирают.

Марина засмеялась — тихо, сама себе. Слезинка скатилась по щеке, упала на свитер, расплылась тёмным пятнышком. Она не стала её вытирать.

— И ещё, — сказала она. — Ты родишься летом. В июле, наверное. Когда всё цветёт. Мы поедем на дачу, и папа будет

качать тебя в гамаке, а Сонечка — бегать вокруг с лейкой и поливать клумбу. Бабушка испечёт вкусный пирог с вишней. Дедушка будет сидеть на крыльце и говорить, что ты похож на него. Всё будет хорошо, слышишь? Всё будет просто замечательно.

Она постояла ещё немного, потом вытерла глаза, взяла чайник и налила себе чаю. Мандариновые корки качнулись в заварнике. Марина села в кресло у окна, поджала ноги, укрылась пледом.

Теперь — ждать. Совсем недолго. Полчаса, ну, может, час. Она закрыла глаза. За окном всё падал снег. Последний снег последнего дня года.

Глава 2

Чай остыл. Марина сделала глоток — горький, с имбирной крошкой на дне — и снова посмотрела на часы. Начало восьмого. Она перевернула телефон экраном вверх, проверила: ни пропущенных, ни сообщений. Ладно. Ёлочный базар — это всегда толпа. Может, они просто долго выбирают. Может, Сонечка заставила папу объехать три точки в поисках той самой, самой пушистой. С неё станется.

Марина включила телевизор — там крутили старую комедию, кажется, про то, как друзья каждый год ходят в баню, — убавила звук до фона. Прибрала со стола остатки муки, протёрла столешницу влажной тряпкой. Пряники лежали на тарелке, остывшие, с румяными боками. Тот, с кривой головой, смотрел на неё чуть насмешливо, будто знал что-то, чего она пока не понимала.

Она взяла телефон, набрала Игоря. Длинные гудки — один, второй, третий, четвёртый. На седьмом сбросила. Набрала ещё раз. Снова гудки. Она представила, как телефон вибрирует в кармане его куртки, а он не слышит — отмахивается от назойливого продавца, поправляет Сонечкин шарф, спорит о цене. Ну конечно. Так и есть.

В восемь Марина заварила свежий чай. Руки уже начинали подрагивать — не сильно, едва заметно. Она сказала себе: не начинай. Ты просто устала. Утром УЗИ, потом эти танцы с

мукой, потом эмоции — мальчик, сын, подарок. Естественно, нервы на пределе. Игорь сейчас вернётся, втащит ёлку, и она посмеётся над собой. Дурочка. Пряничная фея.

Она снова набрала его номер. Теперь гудки стали короткими, обрывистыми — занято. Она нажала отбой, подождала минуту, набрала опять. Механический голос произнёс: «Абонент временно недоступен».

Внутри что-то перевернулось. Пока ещё не больно, но уже ощутимо — как когда самолёт попадает в воздушную яму, и желудок на секунду подпрыгивает к горлу.

Она набрала ещё раз. «Абонент временно недоступен».

Марина встала. Прошла в прихожую, посмотрела на Сонечкины варежки — висят на крючке, сухие. Она помнила, что надела дочке другие, тёплые, с оленями. Или ей кажется? Она проверила: да, те, с оленями, отсутствовали. Значит, надела. Значит, Сонечка не замёрзнет.

В девять она позвонила маме. Просто чтобы отвлечься. Просто чтобы услышать живой голос.

— Мариш? Ну что, приехали твои?

— Нет пока, — сказала Марина, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Задерживаются что-то. Пробки, наверное. Перед Новым годом весь город с ума сходит.

— Так и есть, — мама не заметила ничего. То ли правда не заметила, то ли сделала вид. — Ты не волнуйся. Сейчас приедут. А я тут салаты режу. Представляешь, забыла купить зелёный горошек. Пришлось к соседке сбегать. У неё, слава

богу, оказалась лишняя банка. Говорит: «Бери, чего там». Хорошие люди всё-таки есть.

— Хорошие, — согласилась Марина.

— Ну ладно, дочка. Ты завтра как услышишь куранты — знай, я мысленно с вами. И с внуком моим, — мама понизила голос, будто их могли подслушивать. — Ты Игорю скажи так: сперва про мальчика, а потом уже про всё остальное. А то он от радости ничего не поймёт.

— Скажу, — пообещала Марина. — Сперва про мальчика.

Она положила трубку и осталась стоять посреди кухни. Чайник на плите уже не грел — она забыла включить его повторно. За окном потемнело, и снег теперь казался не белым, а серым, каким-то грязноватым, хотя, конечно, он был тот же самый, что и днём.

Она снова набрала Игоря. «Абонент временно недоступен».

И тогда она начала ходить. Из кухни — в коридор, из коридора — в детскую, из детской — обратно. Сонечкина комната была тиха и пуста. На кровати сидела запасная Апельсинка — не рыжая, которую дочка взяла с собой, а серая, с оторванным хвостом, которую Сонечка разлюбила год назад, но выбросить не дала. Она смотрела на Марину стеклянными глазами, и в этих глазах не было ничего — только отражение ночника.

В десять Марина перестала находить себе место. Она сто-

яла у окна, прижав ладони к стеклу, и смотрела на перекрёсток. Светофор мигал жёлтым. Машин почти не было — только редкие такси и одинокий снегоуборщик, рычащий где-то за углом. Снег всё сыпал, замечая следы, замечая дорогу, замечая время.

Она думала: авария. Нет, не думала — отгоняла. Но слово это, колючее и страшное, уже пролезло под череп и сидело там, царапаясь. Авария. Гололёд. Пьяные водители. Трасса, которую не успели посыпать. Она вспомнила, как Игорь в прошлом году рассказывал про коллегу, который попал в аварию на заснеженной дороге. Отделался переломом ноги. Все говорили: легко отделался.

— Нет, — сказала она вслух. — Нет, нет, нет.

И снова набрала его номер. И снова механический голос.

В одиннадцать она сидела в кресле, сжавшись в комок, закутавшись в плед, и смотрела на телефон в своей руке. Экран был тёмный. Она ждала, что он загорится. Она уговаривала его загореться. Она мысленно говорила Игорю: ну давай же! Нажми кнопку! Позвони! Скажи: «Мариш, мы тут застряли в пробке, всё нормально, скоро будем». Скажи что угодно! Только позвони...

Телефон молчал.

А потом зазвонил.

Марина вздрогнула, чуть не выронила трубку. На экране высветилось: «Игорь». Она выдохнула — шумно, с всхлипом, — и нажала ответить.

— Ну наконец-то! — голос сорвался, получился почти визг. — Игорь, ты где? Я уже с ума схожу! У тебя телефон недоступен, Сонечка, наверное, замёрзла, вы где вообще? Я вам чай заварила, пряники стыннут, ёлку, наверное, уже никакую не найдёте, ну да ладно, главное — вы в порядке? Игорь?

В трубке молчали. Секунду. Две.

— Алло? — Марина прижала трубку к уху сильнее. — Игорь?

— Марина Викторовна? — голос был мужской, сухой, с металлическими нотками. Голос, который она не знала. — Это старший лейтенант Ковалёв, дорожная полиция. Вы супруга Игоря Андреевича Смирнова?

У неё внутри что-то упало. Не сердце — сердце как раз забилось быстро-быстро, как у пойманной птицы. Упало что-то другое. Весь мир упал, съехал, перекосялся и замер под углом в сорок пять градусов.

— Да, — сказала она, и собственный голос показался ей чужим. — Да, я его жена. Что случилось?

— Вы присядьте, пожалуйста, — сказал Ковалёв.

— Я сию. Говорите.

— Ваш супруг и ваша дочь попали в дорожно-транспортное происшествие на пересечении проспекта Энгельса и Светлановского. Автомобиль, следовавший во встречном направлении, выехал на вашу полосу. Удар пришёлся в левую сторону — в водительскую дверь. Ваш муж и ваша дочь скончались на месте. Мне очень жаль.

Марина слышала каждое слово. Каждое. Они были как гвозди, забиваемые по одному.

«На пересечении проспекта Энгельса и Светлановского». Там, где они всегда сворачивали к торговому центру. Там, где светофор висел криво и вечно мигал жёлтым.

«Выехал на вашу полосу». Встречка. Кто-то ехал навстречу. Почему? Пьяный? Уснул за рулём? Просто дурак?

«В водительскую дверь». Игорь сидел за рулём. Удар пришёлся в него.

«Скончались на месте». Игорь. И Сонечка. Сонечка в детском кресле, с Апельсинкой в руках. Сонечка, которая два часа назад танцевала на кухне и целовала её в живот. Сонечка, которая сказала: «Привет, это я, твоя сестра Соня».

— Вы слушаете меня? — спросил Ковалёв. — Марина Викторовна? Вам нужно приехать на опознание. Я понимаю, это тяжело, но процедура необходима. Вы можете позвонить кому-то из родственников?

— Да, — сказала она. Голос был ровный. Чужой. — Да, я позвоню.

Она нажала отбой. Посидела секунду, глядя на погасший экран. Пряники на столе. Чайник на плите. Сонечкина запасная собака в детской. Тишина. Только холодильник гудит.

Она набрала «Мама». Гудок. Второй. Третий.

— Мариш? Ну что, приехали?

И тогда Марина закричала.

Это не был крик словами. Это был звук, который она ни-

когда раньше не издавала, — низкий, утробный, рвущийся откуда-то из живота. Она кричала и не могла остановиться. Телефон выпал из рук, стукнулся о кафед, но мамин голос всё ещё доносился из трубки — тонкий, испуганный, далёкий.

— Мариша! Мариша, что случилось? Мариша, ответь мне! Мариша!

Марина сползла со стула на пол. Колени подогнулись сами. Кухня поплыла перед глазами — пряники, чашки, запотевшее окно, снег за стеклом, — всё смешалось в мутное, бессмысленное пятно. Она чувствовала, как по ногам течёт что-то тёплое, но не понимала, что это. Не понимала, почему пол стал мокрым. Не понимала, почему вдруг стало так тихо.

Телефон лежал на кафеде экраном вниз, и мамин голос всё звал её — издалека, из другого мира, из той вселенной, где ещё можно было всё исправить.

А потом свет погас.

Глава 3

Белый свет. Он был повсюду — неяркий, размытый, как будто смотрел сквозь марлю. Марина попыталась моргнуть, но веки не слушались. Попыталась повернуть голову — шея отозвалась тупой, далёкой болью, будто тело принадлежало не ей, а кому-то другому, и она лишь примеряла его, как старое пальто с чужого плеча.

Звуки приходили медленно, по одному. Сперва — ровное попискивание где-то слева. Прибор. Медицинский. Потом — шаги в коридоре, мягкие, почти неслышные, как ходят люди в войлочных тапочках. Потом — дыхание. Кто-то дышал рядом, совсем близко, и в этом дыхании была такая усталость, такая глубокая, беспросветная усталость, что Марина сразу узнала: мама.

Она попыталась произнести хоть слово, но из горла вырвался только слабый, сиплый выдох. Губы пересохли, язык прилип к нёбу. Она облизала губы — язык был шершавый, чужой — и снова попыталась.

— Ма...

— Мариша? — голос мамы дёрнулся, надломился, и Марина услышала, как скрипнул стул, как зашуршала одежда. — Мариша, очнулась? Очнулась, доченька?

Лицо мамы выплыло из белого марева — распухшее от слёз, с красными прожилками в глазах, с дрожащими губа-

ми. Она гладила Марину по голове, по щеке, по руке, перебирала пальцы, будто пыталась согреть. Руки у неё были ледяные.

— Мама... — Марина выговорила это слово с трудом, как будто училась говорить заново. — Где...

Она не договорила. Потому что вспомнила. Память не возвращалась постепенно — она обрушилась разом, как обрушивается потолок, когда лопается балка. Пряники на столе. Заснеженное окно. Телефонный звонок. Чужой голос: «скончались на месте». И её собственный крик.

Она дёрнулась, попыталась сесть. Ремень на запястье — капельница, поняла она, — натянулся, и в вену кольнуло. Мама прижала её к подушке, зашептала:

— Лежи, лежи, Мариша. Тебе нельзя вставать. Ты потеряла много крови. Лежи, родная.

— Крови? — Марина нахмурилась. В голове всё ещё было мутно, слова доходили с задержкой, как сквозь толщу воды. Она опустила взгляд на своё тело — больничная рубашка, чужая, застиранная, под ней — плоский живот. Слишком плоский. — Почему крови?

Мама отвела глаза. За её спиной Марина увидела ещё две фигуры — они стояли у окна, почти неразличимые в бледном зимнем свете. Она прищурилась: родители Игоря. Анна Сергеевна и Виктор Петрович. Анна Сергеевна прижимала платок к губам. Виктор Петрович стоял навытяжку, как на плацу, и лицо у него было серое, каменное. Он смотрел на

Марину, но будто не видел её — смотрел куда-то внутрь себя, в какую-то чёрную дыру, которая только что открылась и засосала всё.

— Мама, — повторила Марина. Голос окреп, но стал каким-то чужим, низким, скрежещущим. — Почему крови? Что со мной?

Мама взяла её руку, сжала. Слишком сильно. Так сжимают, когда боятся, что человек упадёт.

— Мариша... ты, когда потеряла сознание... тебя нашла я. Я приехала сразу после твоего звонка. Ты лежала на полу в кухне. И там была кровь. Много крови. Я вызвала скорую. Врачи сказали — отслойка плаценты.

Марина смотрела на мать и не понимала. Слова звучали знакомо — «отслойка», «плацента», — но отказывались складываться в смысл. Как будто она учила когда-то эти термины, но забыла, и теперь они звенели пустыми оболочками.

— Что это значит? — спросила она медленно.

Мамины глаза наполнились слезами. Она открыла рот, закрыла, снова открыла. Губы дрожали. Потом она выдохнула — едва слышно, обречённо:

— Ребёнка не спасли, Мариша. Мальчика не спасли.

Белая палата качнулась. Или это Марина качнулась — она не поняла. Звук приборов стал громче, потом тише, потом снова громче. Свет моргнул. Где-то в коридоре зазвенела каталка, и этот звук резанул по ушам, как осколок стекла.

Мальчик. Её мальчик. Тот, который был ещё сегодня

утром — нет, не сегодня, она не знала, какой теперь день и сколько она здесь лежит, — но когда-то, в какой-то другой жизни, она сидела на кушетке УЗИ и смотрела, как пульсирует крошечная светлая точка. Она говорила с ним. Она обещала ему папу, который чинит всё, что ломается, и сестру, которая научит печь пряники. Она обещала ему лето на даче, гамак, клумбу, вишнёвый пирог. Она обещала ему жизнь.

А теперь его не было. И папы не было. И Сонечки, которая целовала живот и говорила «привет, это я, твоя сестра Соня», — тоже не было.

Марина не заплакала. Она лежала на больничной кровати и смотрела в потолок — белый, с трещиной в углу, похожей на молнию. Она думала о том, что трещина эта была здесь всегда, задолго до неё, и останется после. Что мир не остановился. Что за окном всё ещё идёт снег. Что где-то люди покупают мандарины и заворачивают подарки. Что жизнь продолжается — бессмысленная, равнодушная, — а её собственной жизни больше нет.

— Мариш... — мама гладила её по руке. — Мариш, скажи что-нибудь.

Марина молчала.

— Доченька...

— Я хочу к ним... — сказала она тихо.

Мама всхлипнула. Анна Сергеевна у окна издала сдавленный стон и уткнулась лицом в плечо мужа. Виктор Петрович стоял всё так же прямо, но по его щеке, переваливаясь через

скулу, ползла одинокая слеза.

— Ты должна поправиться, — сказала мама дрожащим голосом. — Слышишь, Мариша? Ты должна поправиться. Ты нужна нам. Ты нужна мне.

— Мне никто не нужен, — сказала Марина всё тем же чужим, мёртвым голосом. — И я никому не нужна. Я хочу к ним.

Она отвернулась к стене и закрыла глаза. Белый свет всё ещё сочился сквозь веки — вездесущий, неотвязный. Ей хотелось темноты. Полной, глубокой, окончательной.

Она не знала, сколько прошло времени. Может быть, минуты. Может быть, часы. В палате по-прежнему пахло лекарствами и чем-то стерильным, как в операционной. Мама тихо переговаривалась с Анной Сергеевной — обрывки фраз, шёпот, всхлипы. Родители Игоря спрашивали что-то про морг, про документы, про похороны. Слово «похороны» прозвучало в палате, как выстрел. Марина вздрогнула, но не открыла глаз.

Позже — она не поняла, в тот же день или в другой, время сломалось, рассыпалось на осколки, — в палату вошли двое.

Марина услышала, как открылась дверь, как мама встрепенулась и сказала что-то приглушённым голосом. Потом — шаги, тяжёлые, уверенные, не больничные. Мужские ботинки стучали по линолеуму. Кто-то отодвинул стул, сел.

— Марина Викторовна, — произнёс голос. Другой, не тот, из телефонной трубки, но похожий — такой же сухой, с ме-

таллической ноткой. — Вы меня слышите?

Она открыла глаза. Перед ней сидел мужчина в форме — лет сорока, подтянутый, с аккуратно подстриженными усами и усталыми глазами. Рядом стоял второй, помоложе, с планшетом в руках. На погонах у первого — майор. Майор посмотрел на Марину с сочувствием, но сочувствие это было казённое, формальное, как печать на бланке.

— Я майор Дроздов, — сказал он. — Это мой коллега, капитан Резник. Мы расследуем обстоятельства дорожно-транспортного происшествия, в котором погибли ваши супруг и дочь. Вы в состоянии ответить на несколько вопросов?

Марина смотрела на него и молчала. Мама, сидевшая у изголовья, взяла её за руку.

— Может быть, не сейчас? — спросила мама тихо. — Она только пришла в себя. У неё...

— Я понимаю, — перебил Дроздов. — Но время имеет значение. Чем раньше мы опросим потерпевшую, тем больше шансов, что виновные понесут наказание.

Слово «виновные» заставило Марину вздрогнуть. Она повернула голову на подушке и посмотрела на майора в упор.

— Я в состоянии, — сказала она. — Спрашивайте.

Дроздов кивнул капитану, тот включил планшет и приготовился записывать.

— Что вам известно об обстоятельствах поездки вашего супруга и дочери? Куда они направлялись?

— На ёлочный базар, — ответила Марина ровно. — За ёлкой. Это было тридцатого декабря, около семи вечера. Может, чуть раньше. Мой муж Игорь Андреевич Смирнов, тридцати двух лет, и наша дочь Софья Игоревна Смирнова, пяти лет. Они поехали на своей машине. Я осталась дома.

— В каком направлении они двигались?

— По проспекту Энгельса, в сторону Светлановского проспекта. Там, на пересечении, каждый год работает ёлочный базар.

Дроздов и Резник переглянулись. Что-то в этом взгляде Марине не понравилось — что-то быстрое, понимающее, почти заговорщицкое. Она нахмурилась.

— Что? — спросила она. — Что такое?

— Марина Викторовна, — Дроздов вздохнул и положил ладони на колени. Жест был усталый, будто он повторял этот разговор не первый раз за день. — На пересечении Энгельса и Светлановского в машину вашего мужа врезался автомобиль «Мерседес», выехавший на встречную полосу. За рулём находилась гражданка двадцати семи лет, Алина Робертовна Мурадова. Пассажирка — Виктория Денисовна Бельская, двадцати шести лет. Обе находились в состоянии алкогольного опьянения. Экспертиза показала: уровень алкоголя в крови водителя превышал допустимую норму в четыре раза.

Марина слушала, не перебивая. Каждое слово входило в неё как игла: две пьяные девушки. Двадцать семь лет. Два-

дцать шесть лет. Моложе её. Живее её.

— Они ехали с корпоратива, — продолжал Дроздов. — Отмечали Новый год в ресторане на набережной. По предварительным данным, поспорили, за какое время доедут до дома. Сели в машину и погнались.

— Поспорили, — повторила Марина одними губами. — Поспорили?

— Да. К сожалению, такие случаи не редкость в праздничные дни.

Марина закрыла глаза. Перед внутренним взором встала картина: две хохочущие девицы, блестящие платья, запах шампанского, громкая музыка в салоне. Одна крутит руль, другая подначивает: «Давай, дави, кто выиграет — тому дубайская шоколадка!» И в свете фар на встречной полосе — обычная легковушка. В ней — мужчина, который кроме елки также купил жене подарок на Новый год и думает о том, как она обрадуется. И девочка в детском кресле, которая прижимает к груди рыжую плюшевую собаку.

— Они погибли на месте? — спросила Марина, не открывая глаз.

— Да. Ваш супруг — от травм, несовместимых с жизнью. Дочь — от удара о боковую стойку. Детское кресло не спасло. Удар был слишком сильным.

— А те две?

Майор помолчал. Капитан за его спиной переступил с ноги на ногу.

— Водитель, Мурадова, госпитализирована с переломом ноги и сотрясением мозга. Пассажирка отделалась ушибами. Обе находятся под стражей в медицинском учреждении.

— Под стражей, — повторила Марина. — Это значит, их будут судить?

И снова этот быстрый взгляд. Дроздов — Резнику. Резник — Дроздову. Пауза, которая затянулась дольше, чем нужно.

— Формально — да, — сказал Дроздов осторожно. — Возбуждено уголовное дело по статье о нарушении правил дорожного движения, повлёкшем смерть двух лиц. Однако...

— Однако что? — Марина приподнялась на локте. Капельница снова натянулась, но она не обратила внимания. — Что — однако?

— Марина Викторовна, — Дроздов подался вперёд и заговорил тише, почти шёпотом, хотя в палате, кроме них, были только мама и родители Игоря. — Я скажу вам прямо. Я не имею права этого говорить, но я скажу. Гражданка Мурадова — жена заместителя председателя комитета по транспорту. Гражданка Бельская — дочь крупного застройщика и по совместительству любовница начальника управления МВД по Центральному району. Вы понимаете, о чём я?

Марина смотрела на него и не понимала. Вернее, понимала, но отказывалась верить. Она выросла в мире, где есть правила. Где пьяный водитель, убивший людей, садится в тюрьму. Где суд защищает потерпевших. Где справедливость

— не пустое слово и не разменная монета.

— Вы хотите сказать, — медленно проговорила она, — что они могут избежать наказания?

— Я хочу сказать, что вам нужно готовиться к худшему, — ответил Дроздов. — У них хорошие адвокаты. Очень хорошие. И влиятельные покровители. Дело может развернуться самым неожиданным образом.

— Каким? — голос Марины стал жёстким, почти металлическим. — Пьяная тварь убила моего мужа и мою дочь. Каким образом это может развернуться?

— Например, — Дроздов отвёл глаза, — следствие может принять версию о сложных погодных условиях. Гололёд, плохая видимость. Машину занесло, водитель не справилась с управлением. Это смягчает вину. Вплоть до условного срока. Или административного штрафа.

— Штрафа, — повторила Марина. — Штрафа. За две жизни. За три жизни.

— Простите, — Дроздов поднялся, поправил фуражку. — Я сообщил вам всё, что знаю. Если появятся новости, мы свяжемся. Крепитесь.

Он кивнул капитану, и они вышли. Дверь закрылась с мягким, резиновым стуком. В палате воцарилась тишина — такая глубокая, что слышно было, как в висках пульсирует кровь.

Марина легла на подушку и уставилась в потолок. Трещина в углу, похожая на молнию, никуда не делась. Она была

там и час назад, и день назад, и год назад. Она будет там и через месяц, и через два, когда Марины, может быть, уже не будет в этой палате. Но сейчас Марина смотрела на неё и думала: вот так и выглядит правосудие. Трещина в потолке. Ты смотришь на неё, а она смотрит на тебя и ничего не делает. Просто существует. Просто напоминает, что всё может рухнуть в любой момент — и никто не придёт на помощь.

Потому что она, Марина, — никто. Просто женщина. Просто вдова. Просто мать, потерявшая детей. У неё нет влиятельных покровителей и хороших адвокатов. У неё нет ничего. Даже того, что было внутри, — и того больше нет.

— Мариша, — мама снова взяла её за руку. На этот раз ладонь у неё была тёплая — отогрелась, пока сидела в палате. — Ты только не отчаивайся. Ещё ничего не решено. Есть закон. Есть суд. Мы наймём адвоката. Мы будем бороться. Слышишь, доченька? Мы будем бороться.

Марина не ответила. Она лежала, глядя в потолок, и чувствовала, как внутри — там, где раньше были любовь, надежда, тепло, — разрастается что-то другое. Холодное. Тёмное. Беспощадное.

Она ещё не знала, как назвать это чувство. Но оно уже пустило корни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.